

«Я – ЛЕГЕНДА»: ОТ ИНТРАРЕФЛЕКСИИ К ИНТЕРРЕФЛЕКСИИ ДРУГОГО/ЧУЖОГО¹

Алиев Растям Туктарович, ассистент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: xaaqan@mail.ru.

Формирование образа Другого/Чужого в культуре имеет важное значение. Во-первых, сквозь призму данного феномена мы можем определить те или иные аспекты развития идеологии, страхов и надежд социума. Во-вторых, Другой/Чужой является неотъемлемой частью такой проблематики современного мира, как Культурная безопасность. Анализ становления Другого/Чужого позволяет нам глубже рассмотреть и понять сам этот образ. Именно поэтому автор данной статьи на примере литературного произведения Ричарда Мэтисона «Я – легенда» проанализировал формирование важных свойств этого феномена: переход интрарефлексии к интеррефлексии Другого/Чужого, что дало возможность более объективно рассматривать данную проблематику в рамках культурных исследований.

Ключевые слова: Другой, Чужой, массовая культура, вампиры, феномен, культурная безопасность, интрарефлексия, интеррефлексия, рефлексия, Ричард Мэтисон

«I AM LEGEND»: FROM INTROREFLECTION TO ENTERREFLECTION OF ANOTHER/ALIEN

Aliiev Rastyam T., assistant, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: xaaqan@mail.ru.

Formation of an image Another/Alien culture is important. Firstly, in the light of this phenomenon, we can determine certain aspects of the development of ideology, fears and hopes of society. Secondly, the Another/Alien is an integral part of the modern world issues such as cultural security. Analysis of the formation of the Another/Alien allows us to more deeply examine and understand this very image. That is why the author of this article on the example of a literary work of Richard Matheson «I am Legend» has analyzed the formation of the important features of this phenomenon: the transition from introreflection to enterreflection of another / alien that made it possible to objectively consider this perspective in cultural studies.

Keywords: Another, Alien, popular culture, vampires, the phenomenon, cultural security, introreflection, enterreflection, reflection, Richard Matheson

Введение. Феномен Другого/Чужого представляет собой одну из важнейших категорий развития современного общества и личности индивида в отдельности. Он интересен большинству научных направлений: начиная от философии и психологии, заканчивая культурологией, историей и политологией. Впервые особое внимание к проблеме Другого/Чужого проявилось в античной философии. Размышления о сущности «Иного» мы встречаем диалогах Платона «Софист» [12, С. 256]. В Средневековье привычное бинарное противопоставление «Своего-Чужого» или «Своего-Другого» отрицалось в русле доминировавшего тогда креационизма: «...ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного...» [3]. Но сама оппозиция «Свой-Чужой» была представлена в контексте «Христианин /Язычник» [16, с. 12].

¹ Работа выполнена по проекту 15-03-00402 «Чужой/Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации».

Возвращение к теме Другого/Чужого получило новое качественное содержание в эпоху Просвещения. Именно в этот период Чужой приобретает конструктивную форму. Он становится не просто «зеркалом», в котором отражается Свой, а целой системой внешней рефлексии. Этой теме чаще всего касались французские деятели науки, литературы и философии [1]. Подход к пониманию образа Чужого схож с осмыслением этого феномена у античных авторов. Так же, как у Платона, в эпоху Просвещения Чужой – это носитель природной правды; и он противопоставляется искусственной цивилизации.

Философское переосмысление проблемы Другого/Чужого начинается в XVIII–XIX вв., и находит своё отражение в творчестве немецкого философа В. Гегеля, в частности, в его «Феноменологии духа». В русле этого течения происходит трансформация понимания Чужого: теперь изменяется отношение к нему. Предметом внимания становится не сам образ Чужого, а его связь со Своим, с Я [5, с. 53–54], как проблема соотношения «Субъекта» и «Объекта».

В XIX–XX вв. тема Другого/Чужого продолжает развиваться в творчестве таких известных философов и мыслителей, как Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, Э. Гуссерль, Ж. Деррида, М. Хайдеггер, М. Бубер, Э. Левинас, Ж. Лакан, Б. Вандельфельс и многих других [13].

Анализируя все эти философские подходы к пониманию Другого/Чужого, мы приходим к выводу, что Другой/Чужой – это прежде всего феномен рефлексии, отражение определённых идей, страхов, разочарований, надежд человека, личности, общества. То есть, иными словами, мы можем обозначить феномен Другого/Чужого как «...лакмусовую бумажку общества...» [20, с. 264] или человека в отдельности. «...По нему (по Другому/Чужому) можно часто определять то состояние болезни или здоровья, в котором то или иное общество находится» [20, с. 264]. Несомненно существование феномена Другого/Чужого – это объект философского дискурса. А сама рефлексия проявляется на разных уровнях функционирования сознательного и бессознательного у человека, а, следовательно, отражается в культуре и искусстве, обладая при этом определёнными характерными чертами, свойственными каждой эпохе в отдельности. Но все они сводятся к репрезентации Другого/Чужого на таких плоскостях, как внешность (вестиментарность), гастрономические предпочтения (алиментарность) и сексуальность [17, с. 189–195]. И при этом всё, Другой/Чужой является так же носителем определённых идеологических аспектов, проявляющих себя в той или иной степени в зависимости опять-таки от эпохи, в которой этот феномен репрезентируется в культуре.

Обращаясь к анализу рефлексии Другого/Чужого, мы обязаны учитывать дифференциацию её онтологической составляющей по направленности. В психологии выделяют два вида рефлексии: интрарефлексию (саморефлексию, способность к самовосприятию и самоанализу) и интеррефлексию (способность к пониманию другого)[8, С. 62]. Исходя из этого, для нас становятся важны следующие задачи:

1. Проследить интрарефлексию Другого/Чужого в культуре.
2. Проанализировать механизм интеррефлексии субъекта по отношению к Другому/Чужому.

Таким образом, мы придём к пониманию важного аспекта в исследовании данного феномена: понимания субъектом Другого/Чужого. Иными словами, анализ этой проблемы должен внести ясность во взаимоотношения субъекта и Другого/Чужого в контексте культурной безопасности.

Основная часть. Образ вампиров или зомби в культуре прекрасно отражает проблематику Другого/Чужого, заключённую в её триединную формулу «вестиментарность-алиментарность-сексуальность». В частности, эта тема как отчуждённых Других или Чужих хорошо проработана как в отечественных культурологическом и философских дискурсах [16, с. 58–108], так и в зару-

бежных [7, с. 68]. Анализ этих образов касается их философских, культурологических, исторических и даже идеологических аспектов. Сами образы вампиров и зомби нашли отражение в тысячах художественных произведений прошлого и современности. При чём, их эволюция прошла интересный путь: от Чужого, врага человечества, до того, что «...в XXI в. люди перестали бояться вампиров, а в какой-то степени даже полюбили их, точнее, их образ, породивший массу почитателей и последователей» [16, с. 68].

Именно таким популяризатором образа вампира и зомби, идеи апокалипсиса по причине пандемии и описания вампиризма как заболевания в современной литературе является Ричард Мэтисон, автор такого романа, как «Я – легенда» [10].

Сюжет его книги строится на гротескном описании постапокалиптического мира и Лос-Анджелеса, в частности, в котором в недавнем прошлом произошло событие, превратившее всё население Земли в непонятных существ, напоминающих вампиров или зомби. Главный герой – это единственный выживший и не превратившийся в чудовище человек по имени Роберт Невилль. По задумке он обладает особым иммунитетом к новой бактерии, которая стала причиной болезни, обратившей людей в вампиров. Сделав из своего дома неприступную крепость, он день за днём пытается выжить в «новом» мире. По сути своей, на протяжении всей книги мы наблюдаем действия героя, сопровождаемые его размышлениями об одиночестве, о его прошлом, о его будущем. Иными словами, он пытается рефлексировать на психологическом уровне, понять своё место в этом «новом мире». Это, на наш взгляд, важный момент романа, раскрывающий понятие интрарефлексии Другого. Роберт перестал быть Своим, ибо Своих больше не существует. Мир вокруг него стал Чужим, население Земли стало для него Другим. А он, в свою очередь, стал Другим для этого мира, пока вдруг не повстречал на улице девушку, которая не боится солнечного света. И вот здесь мы наблюдаем разделение сюжета на две части:

1. До встречи Роберта с девушкой. Назовём её условно «интрарефлексия Другого».

2. После встречи Роберта с девушкой. События в этой части развиваются уже в другом русле, где Роберт пытается перейти на другую ступень рефлексии. Назовём эту часть условно «интеррефлексия Другого».

Попробуем проанализировать первую часть, его интрарефлексию в качестве Другого/Чужого. Здесь описываются его будни, когда днём он бродит по пустому городу, убивая спящих вампиров, а по ночам, запираясь в своём доме, старается дожить до следующего утра. При этом особо символическим моментом книги становится описание того, как вампиры приходят к его жилищу и пробуют выманить Роберта на улицу, чтобы расквитаться с ним. Среди этих существ оказывается обращённый приятель Невилля, Бен Кортман, с которым они до трагедии были лучшими друзьями. Каждую ночь Бен приходит к дому Роберта в попытках выманить того и убить. Каждый день Роберт пытается найти убежище Бена в попытке сделать с ним то же самое. Этот факт становится весьма интересным с гносеологической позиции классической феноменологии Э. Гуссерля. Именно в его «Картезианских размышлениях» выстраивается линия понимания Другого как другого его. Его проявление является непосредственным, «иначе бы он был моментом моей сущности, а не Другим» [6, с. 224–225], т.е. концептуализация Другого осуществляется на основе собственного «Я». Таким образом первопричина появления Другого лежит в наших собственных суждениях о миропонимании и представлении самих себя. «...Это находящееся «там» и принадлежащее моей сфере природное тело благодаря ассоциации, образующей пару с моим живым телом и психофизически правящим в нем Я, аппрезентирует в конституированной мной первопорядковой природе другое Я» [6, с. 231–232]. В Бене Роберт

видит себя, ибо по воспоминаниям они были очень даже похожи, а, значит, Бен является этим самым отражением собственного его. Эта близость Кортмана и Невилля очень ярко выражается в психической озабоченности Кортмана последним. Он постоянно бормочет только его имя: «Невилль! Невилль!», что заставляет превратить Бена в отражение Другого Роберта. И незря Невилль каждый раз днём задумывается о поиске жилища своего «друга», но тут же находит причину не делать этого. На самом деле, Роберт не хочет его убивать, потому что Бен – это отражение Другого Роберта, а Роберт – это отражение Своего Бена.

Иногда, сидя у себя в доме, по ночам, Роберт начинает задумываться о своём одиночестве в этой жизни. Он пытается понять своё место среди этих вампиров, вспоминает былую жизнь, напивается, рассуждает о смерти. Эта экзистенциальность особо выражается в следующем: «Его передернуло, тело напряглось, он стиснул зубы. Жди меня там. Там. А почему бы и нет? Почему бы не выйти? Это же самый верный способ избавиться от них. Стать одним из них» [10, с. 9]. Роберт не желает вести свою жизнь в таком одиночестве, и даже задумывается выйти к ним и стать одним из них. Мы бы назвали этот эпизод символическим в том плане, что Другой/Чужой в лице Невилля сам желает перестать быть таким. Он хочет уничтожить Другого/Чужого через трансформацию собственного Я в Чужого. Этот момент очень хорошо можно проанализировать с позиции другого европейского мыслителя, Э. Левинаса, о том, что «человек онтологически одинок». Рассмотрение одиночества Роберта в рамках встречи его со смертью, которая и выступает в качестве «кардинального Другого», и раскрывает истинный смысл его размышлений о том, чтобы выйти к вампирам. Другой здесь не является частью сферы интеллигибельного, он вообще не оказывается ни под какой-либо категорией, а конструирование Другого происходит на уровне принятия себя в своей «инаковатости». Определение субъективности у Э. Левинаса происходит не от самотождественного субъекта, а от самого Другого. «Субъективность означает Иноев-Тожественном» [9, с. 162]. Место пребывания метафизической истины по Э. Левинасу определяется Другим.

Но в следующей сцене Роберт говорит: «Я не сдамся, пока не перебею всех ваших мужчин и младенцев» [10, с. 10]. Здесь мы видим, что проблема Другого/Чужого приобретает герменевтический смысл. Другой воспринимается в контексте диспозиции культуры «своей» и культуры «иной». Первая категория, будучи культурой «родного», культурой «близкого к нам», превращается в основу для восприятия «другой культуры», «иного мира», «чужого мироощущения». Эта диспозиция приводит к первобытному страху Роберта к вампирам и актуализирует его ненависть к Другим/Чужим.

В повествовании книги особо важны для нас сцены, где Роберт смотрит на вампиров, и они ему становятся противны. «Давно уже он не смотрел на них. Вначале он специально прорубил во входной двери глазок и наблюдал за ними. Но потом женщины снаружи заметили это и стали принимать такие мерзкие позы в надежде выманить его... Но все их попытки были бесплодны. Глазеть на них не было никакого желания» и «Что труднее всего переносить – так это женщин, – подумал он. – Эти женщины, выставляющие себя напоказ, словно похотливые куклы, в надежде, что он увидит их, позирующих в ночном свете, и выйдет...» [10, с. 4] – эти сцены актуализируют такое философское понятие, введённое мыслителем Ж.-П. Сартром, как «взгляд», которое понимается как канал искажённого, неспособного на объективность восприятия Другого [18, с. 290]. Ж.-П. Сартр так же отмечает, что Другой – это, прежде всего, объект, на которого или через которого происходит взаимодействие субъекта с окружающим миром. Но в то же время, бывают случаи, когда Другой представлен в виде замкнутой системы, и именно в таком положении Другой представляется в виде «объекта без особых усилий» [18, с. 279]. Другой, по

Ж.-П. Сартру, может стать субъектом, то есть проявить человеческую сущность, только в момент направления «взгляда» на меня. В таких случаях происходит качественная перестановка «субъекта» и «объекта» «взгляда» – «Я» превращается в объект, на который действует Другой, Другой же становится субъектом, который взаимодействует с окружающей средой через «меня».

Анализ феномена тела как Другого и самого тела Другого находит своё отражение в работе М. М. Бахтина «Автор и герой в эстетической деятельности» [2, с. 111]. По его мнению, обращение к Другому – это прежде всего эстетическое обращение. М. М. Бахтин вводит понятие «видение», которое похоже по своему содержанию с термином Ж.-П. Сартра «взгляд» [19, с. 88]; оно – это неотрывное наблюдение за Другим, в коем Другой видится во внешних, не понимаемых им самим свойствах. Другой рождается «на пределах» тела, он обрисовывает границы «Я». Всесторонний анализ личности невозможен без Другого, понимание Другого о самом себе складывается лишь при участии «Я». Следовательно, при анализе открывается и социальная основа понятия «тела» [19, с. 89]. Именно поэтому сцены, где Роберт рассматривает вампиров, очень важны для его интрарефлексии, попыток проанализировать самого себя и своё место в этом «новом» мире. Восприятие «Другого» субъектом через «видение» или через «взгляд», вызывает зачастую крайнюю степень «чужести», которая граничит с конфликтной ситуацией и достигает критического уровня непонимания. Это в свою очередь останавливает конструктивную реакцию. Поэтому вампиры противны Роберту. Поэтому он желает их всех уничтожить, что и делает ежедневно в своих вылазках.

Отсюда, Роберт проведя интрарефлексию, самоанализ, осознание самого себя, приходит к выводу о своей инаковости по отношению к «новому» миру вампиров. Но всё ещё он не хочет умирать, что говорит о стойком желании у Другого/Чужого к выживанию, к борьбе за место под солнцем.

Всё меняется во второй части книги, которую мы условно назвали интрарефлексией Другого. Здесь, во время одной из вылазок, Роберт внезапно встречает девушку, которая не боится солнечного света. Увидев её, он бросается к ней, но она пугается Невилля и начинает убежать. Догнав, он силой затаскивает девушку в дом. В этот момент он осознаёт, что не одинок в этом мире. Но сомнения по поводу неё у него всё же остаются. Осознание своей инаковости у Роберта подкрепляется его интрарефлексией в сексуально-обыденной жизни. «Если придется устанавливать с ней какие-то отношения... Может быть, стать мужем и женой, иметь детей... Такая возможность, пожалуй, пугала его гораздо больше. Он вдруг ощутил в себе болезненно раздражительного, косного мещанина, упрямого холостяка. Он и думать уже позабыл про жену и ребенка, оставшихся в прошлой его жизни, и настоящего ему было вполне достаточно. Он испугался, что ему снова придется жертвовать и нести ответственность, и не хотел, боялся разделить свое сердце – с кем бы тони было, не хотел снимать с себя те оковы одиночества, к которым он вполне привык. Уж лучше оставаться узником, чем снова полюбить и стать рабом женщины...» [10, с. 62]. Здесь мы видим, что инаковость Роберта стала весьма обычным для самого Роберта. Он уже осознаёт себя Другим, в то время, как в первой части и происходило это становление за счёт интрарефлексии.

Сюжет дальнейшего повествования развивается следующим образом: оказывается, что эта девушка не является человеком, она такой же вампир, член вампирского общества, которое смогло побороть болезнь, точнее адаптироваться к ней. Это общество живёт по ночам, а днём спит. Они так же, как и Роберт, ненавидят «тупых» вампиров, но в тоже время ненавидят и боятся самого Роберта, который во время дневных вылазок убивает их сородичей. Вот здесь мы и наблюдаем, как весь мир окончательно переворачивается. Тонкая грань между Своим Робертом и Другими вампирами разрывается, и теперь Роберт – Чужой для Своих вампиров.

Потом девушка влюбляется в Роберта и рассказывает ему всё это, а затем исчезает, оставив на прощание записку, в которой просит его покинуть это место, иначе её соплеменники придут за ним. Роберт не следует инструкциям и остаётся в своём доме. С наступлением ночи он наблюдает, как к его дому подъезжают неизвестные и уничтожают толпу «тупых» вампиров вместе с Беном Кортманом, а потом вламываются в дом к Роберту и вырубают его. Он просыпается в камере и начинает размышлять: «Наверное, я скоро умру, – предположил он и попытался как-нибудь осознать это, но разум сопротивлялся, и мысль соскользнула в пустоту. Несмотря на то, что все эти годы он жил бок о бок со смертью, ходил по проволоке над пропастью, в которой его поджидала смерть, то и дело лишь по воле случая избегая неминуемой гибели, несмотря на это, разум его был не готов. Он не был готов принять смерть» [10, с. 75]. Здесь мы видим, как Другой сопротивляется своей интеррефлексии. Он уже осознал свою инаковость, но ещё не понял, что эта инаковость страшит и пугает других вампиров. Мы наблюдаем особую реакцию на Другого/Чужого. Понятие «реакции» отсылает к «респонзивной» модели «Чужого» по Б. Вандельфельсу [4, с. 123–139], базирующуюся на понятии «раздражение», введённым Э. Гуссерлем. В данном случае Чужой воспринимается как нечто «раздражающее», причиняющее раздражение, неудобство, гиперфеномен, внесистемный элемент [11, с. 25]. В респонзивной рациональности ведущую роль играет телесное отношение. «Ответом являются так же чувства и телесное желание, а не только слово» [14, с. 109]. Такая рациональность позволяет по новому взглянуть на Другого/Чужого, постоянно ускользающего от усилий привычного нормирования и рационализации. Из такой респонзивной рациональности рождается респонзивная этика, в которой отправной точкой является бинарная оппозиция «Я – Другой» в пространстве ответа. Эта реакция продолжает развиваться в дальнейшем диалоге той девушки с Робертом, где она объясняет ему, почему они выбрали путь насилия: «А насилие – оно и для тебя не чуждо: тебе тоже случалось убивать, и не однажды... И мы убиваем исключительно по той же причине, – спокойно сказала она, – чтобы выжить. Мы не можем существовать бок о бок с мертвецами. Мозги у них не в порядке, и ими руководит единственная цель – ты знаешь, они больше ни на что не способны. Поэтому они должны быть истреблены. Равно как и тот, кто убивает без разбору и живых, и мертвых, – я знаю, ты поймешь меня» [10, с. 76]. И вот в этой сцене происходит окончательный переход от интрарефлексии к интеррефлексии Другого/Чужого. Благодаря девушке, Роберт пытается познать Другого, Другой «новый» мир, через смену ролей. «Наступила тишина, словно толпу накрыли плотным одеялом. Они стояли и все, как один, смотрели на него, обратив к нему свои бледные лица. А он глядел на них. И вдруг он понял: это же я не в норме, а не они. Норма – это понятие большинства. Стандарт. Это решает большинство, а не одиночка, кто бы он ни был. Это внезапное откровение соединилось в нем с тем, что он видел их лица, искаженные страхом, ужасом, ненавистью, – и он ощутил, как они боятся его, как он ужасен. Он – чудовищный выродок. Для них он куда опаснее той инфекции, жить с которой они уже приспособились. Он был монстром, которого до сих пор никто не мог поймать, никто не мог увидеть. Доказательством его существования были лишь окровавленные трупы их близких и возлюбленных – он ощутил и понял, кем он был для них, и глядел на них без ненависти» [10, с. 78]. Напомним, что П. Рикёр вводит понятие, «плоть Другого» [15, с. 372]. Согласно его трактовке истоком всех «искажений собственного» является «плоть». В то время, как мы через аппрезентацию принимаем «тело Другого» как «плоть», происходит выход за границы категории собственного, так как «плоть Другого» не является нашей. Следовательно, Чужой непосредственен по отношению к нам, посему разница между аппре-

зентацией и презентацией пережитого субъектом будет существовать всегда [15, с. 313].

Но П. Рикёр отрицает тот факт, что инаковатость обязана быть равной радикальной экстериторности. Он считал наоборот, что «репрезентировать, представить себе нечто, означает усвоить его, включить его в себя, а, стало быть, отвергнуть инаковость. Аналогический перенос, который является основным вкладом пятого картезианского размышления, не ускользает от этого господства репрезентации. Стало быть, другой свидетельствует о себе не в гносеологическом модусе мысли. Этот модус основополагающим образом является модусом этики» [15, с. 315]. Таким образом, отринув своё существование, Роберт Невилль начинает осознавать место вампиров в этом мире, иными словами, место Других/Чужих в этом мире, в то время как ему здесь нет места, как истинному Чужому. «Роберт Нэвилль глядел на новых людей, владевших этим новым миром, и знал, что ему нет среди них места. Он знал, что, как и вампиры, он стал проклятьем, ночным кошмаром. Он нес людям ужас и страх, и его следовало уничтожить. И все происходящее представилось ему повторением прошлого, только вывернутым наизнанку. Он вдруг увидел происходящее с той кристальной ясностью, которая все расставляет по своим местам, и ощущение понимания восхитило его, заставив на мгновение забыть о боли... И этот страх будет осенен новыми предрассудками... Так было, и так пребудет вовеки... и теперь... Я – легенда» [10, с. 78].

Заключение. Исследуя важнейший аспект Другого/Чужого, а именно его интра- и интеррефлексию, мы подошли к более глубокому пониманию механизма формирования образа Другого/Чужого. Мэтисон в своём произведении «Я – легенда» очень хорошо отразил эти особенности, что, в свою очередь, позволяет заново взглянуть на феномен в свете новых данных. Проследив интратрефлексию Другого/Чужого, мы глубже проанализировали состояние этого образа в культуре, на каком уровне происходит его формирование, какие этапы он проходит в конечном итоге. Проанализировав механизм интеррефлексии субъекта по отношению к Другому/Чужому, мы можем делать вывод о механизме принятия Другого/Чужого в культуру или его отторжения, что в свою очередь играет важную роль в культурной безопасности.

Список литературы

1. Grafigny. Madam de Peruvian Letters including the letters of Aza. London. 1805. V. 2.
2. Бахтин М. Автор и герой в эстетическом творчестве / М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. 1979.
3. Библия. Новый завет. Послание к Колоссянам святого апостола Павла.
4. Вандельфельс Б. Мотив чужого / Б. Вандельфельс. – Минск, 1999.
5. Гегель Ф. Феноменология Духа. Философия истории / Ф. Гегель. – М.: Эксмо. 2007.
6. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – СПб.: Наука. 2001.
7. Жижек С. Накануне Господина: сотрясая рамки / С. Жижек. – М.: Издательство «Европа», 2014.
8. Косцова М. В. Психологическая характеристика личности студента: учебно-методическое пособие / М. В. Косцова. – Севастополь: СКУАЭИП, 2013.
9. Левинас Э. Путь к Другому. Сборник статей и переводов / Э. Левинас. – СПб.: СПбГУ, 2006.
10. Мэтисон Р. Легенда. Рассказы / Р. Мэтисон. – АСТ, Terra Fantastica, –Москва, 2001.

11. Пахолова И. В. Опыт «чужого» в терминах интенциональности и респонзивности (Э. Гуссерль, Б. Вандельфельс) / Пахолова // Вестник СамГУ. – 2006. – №5/1 (45).
12. Платон. Софист // Платон. Собр. соч. Т. 2. – М. 2007.
13. Подорога В. А. Другой: Новая философская энциклопедия: в 4 т / В. А. Подорога. – М.: Мысль. 2001.
14. Постмодернизм: Энциклопедия / под ред. А. А. Грицанова. М. А. Можайко. – Интерпрессервис. 2001.
15. Рикёр П. Я – сам как другой / П. Рикёр. – М.: Издательство гуманитарной литературы. 2008.
16. Романова А. П., Хлыщёва Е. В., Якушенков С. Н., Топчиев М. С. Чужой и культурная безопасность / А. П. Романова, Е. В. Хлыщёва, С. Н. Якушенков, М. С. Топчиев. – Москва. 2013.
17. Романова А. П., Якушенков С. Н., Якушенкова О. С. «Гляжусь в тебя, как в зеркало, до головокружения...», или протообразы тела чужого в российском дискурсе / А. П. Романова, С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 1.
18. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М. 2002.
19. Сартр Ж.-П. Основная идея феноменологии Гуссерля – интенциональность / Ж.-П. Сартр. // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига. – 1988.
20. Якушенков С. Н. Эволюция образа Чужого на примере европейского дискурса о вампирах (О бедном вампире замолвим мы слово) / С. Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 3.

References

1. Grafigny. Madam de Peruvian Letters including the letters of Aza. London. 1805. V. 2.
2. Bahtin M. Avtor i geroj v jesteticheskom tvorcestve. Jestetika slovesnogo tvorcestva. – М. 1979.
3. Biblija. Novyj zavet. Poslanie k Kolossjanam svjatogo apostola Pavla.
4. Vandel'fel's B. Motiv chuzhogo. Minsk. 1999.
5. Gegel' F. Fenomenologija Duha. Filosofija istorii. M.: Jeksmo. 2007.
6. Gusserl' Je. Kartezijskie razmyshlenija. SPb.: Nauka. 2001.
7. Zhizhek S. Nakanune Gospodina: sotrijasaja ramki. M.: Izdatel'stvo «Evropa», 2014.
8. Koscova M. V. Psihologicheskaja karakteristika lichnosti studenta: uchebno-metodicheskoe posobie. Sevastopol': SNUJaJeiP, 2013.
9. Levinas Je. Put' k Drugomu. Sbornik statej i perevodov. SPb.: SPbGU, 2006.
10. Mjetison R. Legendy. Rasskazy. AST, Terra Fantastica, Moskva, 2001.
11. Paholova I. V. Opyt «chuzhogo» v terminah intencional'nosti i responzivnosti (Je. Gusserl', B. Vandel'fel's). Vestnik SamGU. 2006. №5/1 (45).
12. Platon. Sofist. Sobr. soch. T. 2. M. 2007.
13. Podoroga V. A. Drugoj: Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. M.: Mysl'. 2001.
14. Postmodernizm: Jenciklopedija. Pod red. A. A. Gricanova. M. A. Mozhejko. Interpresservis. 2001.
15. Rikjor P. Ja – sam kak drugoj. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury. 2008.
16. Romanova A. P., Hlyshhjova E. V., Jakushenkov S. N., Topchiev M. S. Chuzhoy i kul'turnaja bezopasnost'. Moskva. 2013.

17. Romanova A. P., Jakushenkov S. N., Jakushenkova O. S. «Gljazhus' v tebjja, kak v zerkalo, do golovokruzheniija...», ili protoobrazy tela chuzhogo v rossijskom diskurse. Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2011. № 1.

18. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologičeskoj ontologii. M. 2002.

19. Sartr Zh.-P. Osnovnaja ideja fenomenologii Gusserl'ja – intencion-al'nost'. Problemy ontologii v sovremennoj buržuaznoj fil'osofii. Riga. 1988.

20. Jakushenkov S. N. Jevoljucija obraza Chuzhogo na primere evropejskogo diskursa o vampirah (O bednom vampire zamolvim my slovo). Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2012. № 3.

НАУЧНАЯ ЭЛИТА И ИЕРАРХИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Карабущенко Павел Леонидович, доктор философских наук, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

В современном мире роль науки и ученых возросла настолько, что они уже начинают играть заметную самостоятельную роль в политике и бизнесе, гораздо большую, чем та, которая была им отведена в предшествующие столетия. Бытие человека в современном мире все больше усиливает его зависимость от науки и ученого сообщества. Наука стала тем глобальным трендом, который определяет общий вектор развития современной цивилизации. И с ростом этого влияния растет и авторитет, и значимость самой научной элиты, которая всё чаще становится объектом научно-философского анализа, особенно в части ее трансформации в *меритократию*. При этом усиливается роль элитного образования как самого главного канала рекрутирования научного кадрового состава. Принципиальное отличие этого элитарного образования – в его либеральном (открытом) меритократическом характере. Главным продуктом такого элитарного образования становится не воспроизводства политической или финансовой элит, а сознание научных кадров высочайшего уровня. Переход к постиндустриализму означает возникновение новой аксиологической системы и прежде всего изменение в системе иерархических ценностей. Новая иерархия будет утрачивать олигархические ценности, одновременно набирая и усиливая меритократические черты. На наших глазах эпоха «восстания масс» уступает место уже начавшемуся процессу «восстания элит», сопровождавшийся компьютерной и коммуникационной революциями.

Ключевые слова: наука, научное сообщество, личность, научная элита, научный лидер, меритократия, элитарная культура, элитарное образование, элитное знание, иерархия, персонализм, Идея, постиндустриализм, глобализм

THE SCIENTIFIC ELITE AND THE HIERARCHICAL PRINCIPLES OF MODERN TIME

Karabushenko Paul L., Doctor of Philosophy, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, Tatischev 20a, e-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

In the modern world the role of science and scientists has increased so much that they are starting to play a prominent and much important independent role in politics and business, much larger than the one that was assigned to them in the previous century. Being human in the modern world is increasingly amplified its dependence on science and the scientific community. Science has become the global trend, which determines the overall direction of development of modern civi-